

Дана ДЕЛОН

**НЕПРОЖИТАЯ
ЖИЗНЬ**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д29

Серия «Виноваты звезды»

На обложке использовано фото *Алены Андриющенко* (@helena132)
Модель: Екатерина Мироненко (@katyamiro)

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Делон, Дана
Д29 Непрожитая жизнь / Дана Делон. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 319 с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-109441-6

На пороге совершеннолетия Леа Санклер сталкивается со множеством проблем. Агрессия в школе сменяется непониманием в семье. Как и большинство ее сверстников, она ищет спасения в Сети. И одно случайное знакомство меняет ее жизнь. Навсегда.

Рафаэль Делион не может смириться со смертью брата. Он все больше казнит себя и отгораживается от внешнего мира. Стремясь понять, чем последние месяцы жил брат, Рафаэль пытается взломать его ноутбук. «Ее имя — ключ ко всему». Оставленная подсказка рождает в сознании парня больше вопросов, чем ответов.

Но однажды в его класс приходит новая ученица — Леа Санклер.

Подписано в печать 27.04.18.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Дана Делон, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Моей тете Валерии! Спасибо тебе за все!
Люблю тебя до Луны и обратно!*

Глава 1

МИКАЭЛЬ

Открываю глаза. Закрываю. Вновь открываю и опять закрываю. Мечтаю. Когда же наступит миг, тот самый миг, когда я больше не смогу выполнить это простое действие? Я представляю, как смотрю на себя сверху, и мои глаза закрыты. Они не открываются. Они просто закрыты. Покой написан на моем лице. Час пробил, теперь мое тело будет лежать без всякого движения, и я больше не буду его рабом. В комнату заходит мама, я чувствую запах ее духов и слышу тихие шаги. Я не открываю глаз. Я сплю. Так легче — проспать весь кошмар и всю боль. Я верю в жизнь после смерти, в другие миры и Вселенную. Еще я верю, что был создан для чего-то другого. Не для этого мира. На этот мир во мне обнаружили аллергию под названием «рак». Четыре года назад моя жизнь перевернулась...

Мама уходит. Я открываю глаза и сажусь. Это движение забирает почти все мои силы. Место, где я нахожусь, — это то ли больничная палата, то ли моя комната. Оно не похоже на комнату семнадцатилетнего парня из-за медицинской техники и огромного количества лекарств

на тумбочках и столах. Оно не похоже и на палату из-за синих занавесок и моей мебели. Иногда я задумываюсь: что я чувствую к этому месту? Мама хотела, чтобы лечение проходило на дому, она считает, что дома человеку комфортнее, уютнее, спокойнее. Дом? Что такое дом? Я не ощущаю себя дома. Я ощущаю себя никак и никем. Депрессия? Чертовски верно.

Тянусь к компьютеру и захожу в Фейсбук. Страничка этой девочки все еще открыта, но новых постов нет. Уже три дня молчания — и я испытываю нехватку. Нехватку ее иронии и чувства юмора. Обычно она не молчит так долго, обычно она пишет по посту в день. Кликаю на фотографию профиля. Девочка на ней улыбается, и ее глаза блестят. То ли голубые, то ли зеленые, они ярко горят на фоне длинных черных волос. Мне нравится этот контраст. Мне нравятся ее губы и форма носа. Я бы даже назвал ее красивой. Я бы даже добавил ее в друзья и написал ей. У нас много общего — музыка, фильмы, книги. Нам было бы о чем поговорить и что пообсуждать. Я бы дарил ей красивые букеты и водил в кино. Встречал после школы и покупал сладости. Я бы хотел планировать с ней каникулы, познакомить ее со своей семьей и быть с ней. Но все это возможно лишь в другой жизни или на другой планете. Со злостью закрываю крышку ноутбука. Глубоко вдыхаю, хотя делать это больно — но больно делать абсолютно все, — ложусь и замираю. Не шевелюсь, погружаюсь в некую прострацию между сном и реальностью. Стараюсь заглушить злость, бушующую в душе. Не получается. Внутри меня один за другим взрываются вулканы. Хочется кричать, рвать и метать. Но я не могу, слишком сильную боль вызывает любое мое движение. Вдох, выдох. Вспоминаю ее улыбку и успокаиваюсь. Осторожно поднимаюсь. Нужно

принять обезболивающее, но это потом. Я тянусь к компьютеру. Открываю крышку, жду, пока перезагрузится ее страничка. И... Она пуста. Две секунды полного непонимания. Вновь перезагружаю страницу, но результат тот же. Страница пуста. Нет ни одного поста. Ни одного. Я смотрю на время: прошел час. За этот час она удалила все, что помогало мне улыбаться. Все, что дарило новые эмоции в течение последних трех месяцев. Удалила все полностью, без остатка. Вновь хлопаю крышкой и нажимаю на красную кнопку. Обезболивающее попадает в кровь и забирает с собой всю боль. Всю — и во мне остается лишь пустота.

ЛЕА

«Хотите произвести очистку души от дерьма? Начните со страницы в Фейсбуке. Не знаю, почему и как это работает. Но удаление собственных постов, которые казались вам воплощением гениальнейших мыслей человечества, наверняка поможет успокоиться. Часа на два. А может, и меньше. А потом вы будете так же продолжать метаться, не зная, куда деться от гнева и печали. Давайте назовите меня подростком, который принимает все слишком близко к сердцу. Который преувеличивает масштаб катастрофы и вообще склонен фантазировать и надумывать проблемы там, где их нет. Так же проще. Смотреть на нас как на не понимающих жизнь дураков, свысока наблюдать за нашей глупостью. Ведь взрослые такие умные... Вы ведь умные? Три дня назад меня использовал парень, лишил девственности, бросил. А сегодня утром сосался с моей лучшей подругой прямо у меня перед носом. Пустяки? Вообще ничемная выдуманная проблема? Даже не знаю, что хуже. То,

что он сделал это на спор, или что я — такая наивная дура. Или, возможно, тот факт, что все это произошло в День влюбленных? Вопрос риторический и не требует ответа. И вообще, знаете что? Пошли вы все на фиг! И заберите с собой этот кусок дерьма, в который я умудрилась влюбиться. Да, именно влюбиться. Разве первая любовь не должна быть чем-то прекрасным? Вы ведь умные, вы должны знать. И не надо врать. Я сейчас скажу вам правду. Слушаете? Я вам скажу правду, и звучит она так: все первые разы просто полный отстой. Во время первого поцелуя я не могла понять, что вообще происходит и зачем люди топят друг друга в слюне. Во время первого секса мне хотелось орать на Господа Бога: „Почему, черт бы тебя побрал, мне так больно?“ О первой моей любви и говорить нечего. Ею оказался парень, который стал со мной встречаться, потому что поспорил с друзьями, что порвет меня в течение трех месяцев. Романтично, воздушно, любовно. Вишенкой на торте оказался тот факт, что все это время он тайно встречался с моей лучшей подругой, которая помогала ему в его „миссии“. Что должно быть в голове у девушки, которая помогает своему парню переспать с другой? Я вот тоже задалась этим вопросом, а ответ прост: эта девушка меня тихо ненавидела и мечтала сделать мне очень больно. Самое отвратительное — у нее это получилось. Мне больно. Боль разрывает меня изнутри, и к глазам подступают слезы. Я моргаю, стараюсь выровнять дыхание и заглушить истерику в зародыше. И мне это удастся. Я не буду плакать в школе. Эти любопытные и сочувственные взгляды, перешептывание за моей спиной. Они не увидят моих слез.

Вы спросите, что за дешевый сценарий? Скажете: „Девочка, очнись! Такого не бывает в реальной жизни.“

Ты пересмотрела подростковых сериалов“. Я бы тоже так ответила, не будь все это моей собственной жизнью. Тогда вы пожалеете меня и скажете: „Иди, деточка, домой, поговори с мамой“. А что, если дом — это не дом, а просто место, где я ночую? А что, если мама — это не мама, а женщина, которая меня родила? И что, если я живу с отчимом, который мечтает, чтобы мне исполнилось восемнадцать, и я свалила из ЕГО дома? „Где твой папа?“ — спросите вы. Ответ: „Я не знаю“. Устраивает? Я знаю, кто он. Знаю, что у нас одинаковые глаза и волосы. Еще знаю, что не вижусь с ним с двух лет и не имею понятия, где он в данный момент и с кем. А еще я точно знаю, что никому не нужна. Вы сейчас опять начнете говорить о подростковых гормонах. О том, что мне всего шестнадцать и я слишком остро реагирую. Но мне какая разница? Ведь то, что я чувствую, — полнейшее одиночество, боль и пустота, не знающая границ».

Перечитываю написанное. Хотите выговориться — напишите. Но публиковать не обязательно. Яростно жму на кнопку «Удалить». Сначала просто исчезают буквы, затем целые слова, после не остается ничего. Просто белое пространство. Мы с ним чем-то похожи. В моей душе сейчас тоже пусто. Я бы даже сказала — стерильно чисто.

РАФАЭЛЬ

Яростный стук в дверь будит меня. Мама входит без разрешения, и каждый ее шаг тяжелыми ударами отдается у меня в голове.

— Ты проспал школу, а вчера вернулся поздно в стельку пьяный.

Я не открываю глаз. Я знаю, она смотрит на меня своим убийственным взглядом. Сейчас она скажет, что не собирается такое терпеть.

— Я не собираюсь такое терпеть.

Мои губы расползаются в легкой ухмылке.

— Я сказала что-то смешное? — В ее голосе звучит сталь.

И я знаю: если я сейчас перегну палку, все закончится истерикой, слезами, криками, мольбами о жалости. Поэтому я сажусь и открываю глаза. Они болят от солнечного света. Голова гудит, но я делаю усилие над собой и смотрю прямо на нее:

— Вчера отмечали восемнадцатилетие подруги Пьера. Прости, я должен был предупредить, но телефон сел, а номера наизусть я не помню, ты же знаешь.

Она долго смотрит мне в глаза, будто пытаюсь понять, говорю ли я правду. Был ли я с ее обожаемым Пьером или с другими идиотами, которых она отказывается называть моими друзьями. В конце концов она отворачивается и вздыхает, словно принимая свое поражение.

— Раз уж ты не идешь в школу, проведи день с Микаэлем, — шепотом просит она, — мне кажется, ему одиноко.

Я лишь киваю, и она уходит.

Микаэль... Мой брат-близнец, с которым мы были неразлучны. Микаэль, который лучше, умнее, спокойнее, а внешне — моя копия. Однако в его системе произошел сбой, и последние четыре года своей жизни он умирает от рака. Если в детстве нас не могли различить, то сейчас это не составит труда. Я достаю из-под тумбочки аспирин, встаю и тянусь к рюкзаку, который валяется на полу. Насколько я помню, там была вода. Запиваю

и морщусь. Кажется, вода была несвежая, на вкус она отвратительна, но у меня так пересохло горло, что это не важно. Босиком, спотыкаясь о разбросанные вещи, бреду в свою ванную и долго стою под душем в ожидании, когда подействует таблетка. Микаэль — единственный человек на этой планете, который никогда не осудил меня. Никогда не пренебрег мною. И никогда не предал.

Выйдя из душа, я выбираю одежду и, посмотрев в зеркало, вижу нашу общую фотографию, приклеенную к рамке. На ней нам обоим по восемь лет, и мы совершенно не отличаемся, даже одеты одинаково. Разные у нас только взгляды: его умный и мой озорной. Вот и все различие. Как же тяжело понимать, что часть тебя умирает! И как тяжело дается осознание, что ты ничего не можешь с этим поделать. Тебе не остановить эту лавину — рано или поздно она накроет дорогого человека и унесет с собой. Понять и принять этот факт практически невозможно. День за днем ты просыпаешься с дырой в груди, с абсолютной пустотой внутри и понимаешь, что не убежишь от надвигающегося будущего и никак не изменишь его.

Выйдя в коридор, я направляюсь в комнату брата. Я никогда не стучу, просто открываю дверь и вижу его лицо. Глаза Микаэля закрыты, ноутбук валяется на полу. Не знаю, спит ли он по-настоящему или всего лишь притворяется. Я ложусь на коричневый кожаный диван, сунув руку под голову. Ну что, поспим вместе. Когда-то мы все делали вместе. Как же я люблю его, и как же я не хочу, чтобы он умирал! Бездна страха сменяется гневом. С тяжелым сердцем я закрываю глаза, стараясь уснуть. Но щемящая пустота не хочет оставлять меня. Она следует за мной в царство Морфея.

Глава 2

МИКАЭЛЬ

Брат спит на моем диване, и я точно знаю, он не притворяется. Его длинные волосы собраны в хвост. Грудь вздымается и опускается в беспокойном дыхании. Интересно, ему снятся кошмары? Я не бужу его, а внимательно всматриваюсь в каждый дюйм его тела. Он крепко сложен: тренировки по кикбоксингу дают о себе знать. Его майка задралась, обнажая левый бок и открывая моему взору угольно-черную надпись татуировки. Она свежая, до сих пор покрасневшая, с нее еще не сошла корочка. Мы близнецы, мы оба похожи на маму. Только он действительно на нее похож, а я похож на ракового больного. Он красивый. Черные волосы до плеч, здоровый цвет лица. А я — серый, бледный и никчемный. Я не завидую ему. Нет. Я счастлив, что он не проходит через то же, что я. Я счастлив, что он красивый, молодой, здоровый. Ведь он мой брат. Моя плоть и кровь. Если бы у меня был выбор, кому из нас достанется эта болезнь, я бы все равно выбрал себя. Самое смешное, я больше чем уверен, что он тоже предпочел бы взять страдания на себя. Только мне эта ноша под силу, а ему, пожалуй, нет. Я принял свою болезнь. Он бы не смог, он слишком любит жизнь и слишком полон страсти.

Рафаэль резко открывает глаза и смотрит прямо мне в лицо. Глаза у него темные, почти черные, в них не видно зрачка. У меня точно такие же глаза, только его опушены густыми ресницами, а мои ресницы уже давно поредели. Его глаза блестят, а мои тусклые. Вот и вся разница.

— Давно пялишься? — интересуется он. Голос его после сна звучит грубее обычного.

— Ты спал больше четырех часов, интересная была ночка?

Он ухмыляется и дерзко смотрит на меня. Вот это я люблю в нем больше всего на свете. Рафаэль — единственный человек на планете, который не смотрит на меня с жалостью.

— Не представляешь насколько. Мы были в клубе, и я ушел оттуда с двумя близняшками. И угадай что? Как только я рассказал им о тебе, о моем дорогом брате-близнеце, эти две крошки решили назначить нам второе свидание. Ну что скажешь? Ты, я и те близняшки? — он утрированно поднимает брови. — Кстати, тот факт, что у них настоящий четвертый размер, должен перевесить чашу весов в твоей голове.

— Перевесить в какую сторону? Я не люблю большую грудь.

— Это потому, что в одной постели с тобой еще не было большой груди, брат мой. Все дело в отсутствии опыта.

Его серьезный тон смешит меня, и я ухмыляюсь.

— Ты сказал им, что твой брат умирает от рака?

Повисает пауза. Не знаю, зачем я произнес это вслух. Но выражение боли на его лице заставляет меня пожалеть о сказанном.

— Извини, Раффи. Просто вырвалось.

Он быстро берет себя в руки и швыряет в меня диванной подушкой.

— Любишь, чтобы тебя жалели, да? Думаешь, если скажешь телкам: «Я умираю, трахнетесь со мной последний раз» — это сработает? — Наглая ухмылка на лице и озорные огоньки в глазах — в этом весь Рафаэль. — Не

выйдет, братец, ты — чертов Мика Делион¹. Львиная кровь. Девки дадут тебе без всякой бредовой истории о последних шансах.

Он вскакивает с дивана.

— Я чертовски голоден, пойду уничтожу все продукты и вернусь. А потом сделаю тебя в ФИФА.

Резкая смена темы, поспешный побег с моего дивана. Моя фраза уколола его больше, чем мне хотелось.

— Вызов принят, — отвечаю я без особого энтузиазма. — Раф, не мог бы ты, пожалуйста, подать мне компьютер? — Мне нужно еще раз убедиться. Нужно еще раз зайти на ее страницу.

Рафаэль смотрит на меня как на больного. Как на больного на голову. Он делает так всякий раз, когда я с ним вежлив, и это немного меня смешит.

— Вот, возьмите, сударь, — произносит он, протягивая ноутбук и отвешивая мне легкий поклон головой.

— Клоун, — улыбаюсь я.

— А ты — маменькин воспитанный мальчик. «Рафаэль, бери пример со своего брата!» — с чувством говорит он, пародируя мамин голос.

С этими словами он закрывает за собой дверь. А я открываю ее страницу. Ее пустую страницу. Леа Санклер. Ноль постов. Ноль фотографий. Ноль интересов. Ноль информации. Что же с тобой случилась, Леа? Почему ты пытаешься стереть собственную жизнь? Стрелка зависла над кнопкой «добавить в друзья». Вдох. Выдох. У нас с ней сейчас есть что-то общее. Моя страничка тоже пуста. Только список бывших друзей, которые периодически пишут и интересуются, не подход ли я еще. Вдох.

---

¹ «Делион» звучит по-французски так же, как «два льва» — deux lions.

Выдох. Ты — умирающий парень. Ты не боишься смерти. Нет. Ты жаждешь ее и живешь в ее ожидании. Ты можешь умереть завтра или послезавтра и не боишься этого. Но тебя бросает в дрожь от одной мысли, что ты можешь добавить ЕЕ в друзья на Фейсбуке? Ты сам-то видишь весь идиотизм ситуации? А вдруг она отклонит заявку? А вдруг ты завтра не проснешься? Пальцы трясутся. Один клик. Нужен всего один клик. Но я не могу никак решиться. Чувствую, как капля пота течет по лбу. Просто один клик, Мика. Или еще одна упущенная возможность. Дверь внезапно открывается и, прежде чем я отдаю себе отчет в своих действиях, кликаю на «добавить в друзья». Я, черт меня подери, кликаю. Рафаэль вглядывается мне в глаза.

— Я слишком быстро вернулся?

— Нет, — быстро отвечаю я.

— Тогда почему у тебя такой испуганный вид, будто мама застала тебя за порно?

Я закатываю глаза.

— Ты просто придурок.

Он пожимает плечами.

— Ну что, готов к очередному проигрышу?

«Нет, не готов, — думаю я. — И ты даже не представляешь, насколько...»

ЛЕА

Год назад мне пришла заявка в друзья от некого Микаэля Делиона. Что было весьма любопытно само по себе, ведь его страница была копией моей. Точно такой же пустой и безликой. Я добавила его со словами:

— Дай угадаю, ты тоже страшный?

Он оценил шутку.